

Тишина повисла в воздухе, тягучая и напряженная. Рей лихорадочно соображала, что еще она хотела спросить, но слова застревали в горле. Нао-сенсей, будто почувствовав ее неловкость, прервала молчание. — Итак, ты расстроилась, что тебя не спешат продвигать в обучении. Понятно. А чем ты занималась последние три недели? — спросила она спокойным голосом. Это было почти болезненное облегчение — наконец-то можно было говорить об этом. Рей, словно шестилетний ребенок, засыпанный подарками, разволновалась и затараторила, не обращая внимания на тяжелые мысли, которые гнездились в ее голове. — Ну, я не сидела сложа руки, знаешь ли. Я научилась ходить по воде, освоила новые упражнения для контроля чакры. Родители дали мне доступ к семейным архивам, и там просто кладезь знаний! А еще я старалась не отставать в тайдзюцу и букидзюцу, — щебетала она. — Хм-м-м, — протянула Нао-сенсей, ее голос звучал равнодушно, почти безразлично, но Рей не позволила этому ее обеспокоить. — К сожалению, мой старый наставник, Тоширо-сенсей, недавно стал джоунином, у него нет времени на меня, а это очень плохо, потому что иметь личного инструктора, который знает тебя как свои пять пальцев, невероятно полезно. Я еще никому не говорила о том, чтобы найти нового, дома у нас все как-то странно из-за этого "удержания", но если бы они отказались учить меня какому-нибудь дзюцу, я бы просто взорвалась! Честно говоря, мне было так беспокоенно, что я даже подумывала о том, чтобы выучить оружие, просто чтобы чем-то заняться, но не думаю, что это было бы хорошим решением. Оружие, знаешь ли, слишком специализированное, и сейчас я понятия не имею, подойдет ли оно мне. Если бы они просто позволили мне двигаться вперед, все было бы в порядке, но такой медленный прогресс сводит меня с ума! Я не реализую свой потенциал, не делаю всего, что могла бы, и не могу быть такой, какой могла бы, и это так меня бесит, что хочется что-нибудь сломать или убить, потому что это так чертовски раздражает, и я просто не знаю, что с этим делать! — закончила она, запыхавшись, не останавливаясь ни на секунду. С запозданием она поняла, что, возможно, сказала слишком много, но не могла заставить себя остановиться. Рей почувствовала облегчение, когда наконец-то смогла вдохнуть полной грудью. Ей действительно очень нужен был кто-то, кто выслушает ее, кто поймет. Нао-сенсей некоторое время просто смотрела на нее, ее взгляд был внимательным, но нейтральным. В каком-то смысле это было облегчением. Она не очень хорошо знала своего учителя, но по крайней мере, у нее не было ощущения, что Нао-сенсей осуждает ее или думает о ней плохо за ее вспышку. Наоборот, она смотрела на нее так, словно пыталась понять ее. Она не могла быть уверена, но, по крайней мере, Нао-сенсей не выглядела человеком, который при первой же возможности побежит и расскажет авторитетным людям, насколько психически неуравновешенна ее ученица. — Могу я спросить, что тебя так завело? — спросила Нао-сенсей, и ее вопрос, хоть и логичный, застал Рея врасплох. Рей пожевала губу. Она не могла рассказать всю правду, но разговор с Нао-сенсей помогал, и она не хотела останавливаться. Но не сейчас. Вместо этого она решила рассказать ей частичную правду. — Сильные управляют своими судьбами. Все остальные просто должны падать в строй и выполнять приказы без жалоб, — произнесла Рей. Нао-сенсей хихикнула, и это хихиканье сделало ее на мгновение совсем юной, несмотря на строгую прическу и мудрые глаза, которые выдавали в ней человека, знающего жизнь. — И против каких же приказов ты сейчас бунтуешь, Рей-тян? — спросила она. При этих словах Рей покраснела, ее брови нахмурились от недовольства. — Ты понимаешь, о чем я, — пробормотала она. — Не уверена, что понимаю. Почему бы тебе не объяснить мне это? — сказала Нао-сенсей. — В мире ниндзя главное — сила. Все трое Санинов смогли покинуть деревню, потому что были настолько сильны, что любой другой был бы убит мгновенно. Четвертому... было разрешено жениться и оплодотворить Джинчуурики, несмотря на существующий риск, ... закончил войну почти в одиночку и смог осуществить свою мечту — стать Хокаге. Первый Хокаге вырвал деревню из хаоса эпохи Воюющих государств в основном только благодаря своей силе. Если бы они были менее сильными, то никогда бы не смогли сделать ничего из этого. Их сила позволила им буквально переписать правила. Все остальные — практически просто солдаты с их маршевыми приказами и без права сказать хоть что-то. Кошачьи глаза Нао пристально вглядывались в

нее. — Ну, ты не ошибаешься. У сильнейших действительно больше возможностей, — согласилась Нао-сенсей. — Так как же ты можешь насмеяться над тем, что я сказала? — спросила Рей вызывающе. — Я не насмеялась над тобой. Я пыталась донести свою мысль, — ответила Нао-сенсей, и ее ровный тон внезапно напомнил Рею, кто здесь учитель, а кто ученик, и что Нао-сенсей не терпит глупостей. — Смысл в том, что ты так беспокоишься о будущем, что полностью пренебрегаешь жизнью здесь и сейчас. В обычной ситуации это не было бы таким уж большим беспокойством, но ты разрушаешь себя и даже не осознаешь этого. Ты перемалываешь себя в пыль, и единственный, кто в этом виноват, — это ты сама. Рей почувствовал холодок при этих словах. Это была неправда. Ведь так? — Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она, немного защищаясь. Нао-сенсей продолжила, но ее тон немного смягчился. — Мы оба знаем, что ты это делаешь. Ты слишком умна, чтобы этого не делать. Рей покачала головой в знак отрицания, но не смогла вымолвить ни слова. Ей казалось, что она знает, к чему все идет, и что-то внутри нее паниковало. Она не хотела этого слышать. — Ты не такая тонкая, как тебе кажется, и трудно скрыть что-то подобное от того, кто видит тебя долгими часами каждый день. Ты хоть понимаешь, как ты смотришь на своих одноклассников? Да, конечно, осознаешь. Хочешь, я тебе расскажу? — спросила Нао-сенсей, ее тон не был недобрым, но и не давал девушке возможности пошевелиться. Рей покачала головой, положив руки на учительский стол и зарывшись в них головой. — Я видела, как ты стала смотреть на людей. Как будто их вообще не существует. Как будто ты взвешиваешь и измеряешь их ценность, как мешки с рисом, и находишь, что большинство из них не обладают достаточной ценностью, чтобы стоить твоих усилий. Как будто они даже не люди. — Я не стану говорить тебе, что это хорошо или плохо, — произнесла Нао-сенсей, — но ты уже достаточно взрослая, чтобы понимать некоторые вещи. То, как ты относишься к своим товарищам, определит, кем ты станешь. Тебе нужно спросить себя, хочешь ли ты быть именно таким человеком. Ты одна из немногих, кто обладает умом, чтобы выбрать свою судьбу, — добавила она без осуждения, но с холодной практичностью, которая стала для Рей спасательным кругом после бури эмоций, вызванной словами наставницы. — Ты должна спросить себя, хочешь ли ты быть такой. Что-то пошло ужасно, катастрофически неправильно. Нао-сенсей словно хотела заставить ее задуматься о своих поступках. Часть души Рей воспротивилась этому, упрямо не желая меняться. Теперь, когда уродливая правда была вытащена на свет, Рей чувствовала себя так, словно ее рана была выставлена напоказ. — Такое отношение и мировоззрение не сделают тебя плохим ниндзя, даже в Конохе, где ценят товарищество и командную работу, — продолжала Нао-сенсей, пристально наблюдая за ученицей. — Более того, даже в Конохе некоторые секторы и люди считают такой образ мышления идеальным. Правда, некоторые будут осуждать тебя, а другие хвалить за умение отделять сочувствие от миссий. В мире ниндзя есть место обоим подходам. Но если ты будешь продолжать относиться к другим так же, как раньше, то есть кое-что, о чем, я думаю, тебе следует знать. Тебе нужна минутка, чтобы успокоиться? — спросила Нао-сенсей. Рей держала голову на руках, ее тело сотрясали тихие рыдания. Мир перевернулся. Неужели я действительно была такой ужасной? Да, была. И это не было чем-то новым. Будто шлюзы открылись, и она начала пересматривать свою жизнь под другим углом. От некоторых мыслей ей становилось плохо. Она не хотела быть плохим человеком. Рядом с ней что-то положили. Подняв голову, Рей сквозь слезы увидела коробку с салфетками. Она рискнула взглянуть на Нао-сенсей, которая терпеливо наблюдала за ней без капли сочувствия. Это каким-то образом заставило Рей выпрямиться, помогло обрести самообладание, чтобы перестать плакать. В то время как другим нужна была бы поддержка, Рей этого не требовалось, и холодное отношение Нао-сенсей стало для нее якорем, за который можно было ухватиться. Она села на табурет и взяла салфетки, чтобы вытереть лицо. Нао-сенсей дала ей несколько мгновений, прежде чем поправить очки, подтолкнув их пальцем вверх. Затем она продолжила говорить, будто плачущий ребенок не прерывал ее. — Как я уже сказала, есть несколько вещей, о которых тебе следует знать в отношении своей карьеры. Известно, что люди с подобным мировоззрением добиваются успеха в определенных видах деятельности. Если ты решишь

продолжать в том же духе, тебя почти наверняка примут в Анбу, как только ты получишь Чуунин. Большую часть своей карьеры ты проведешь, выполняя... неприятную, изматывающую работу. Престижную и хорошо оплачиваемую, но от этого не менее неприятную. Нужен определенный тип людей, чтобы выжить или даже преуспеть в такой обстановке. Ты имеешь в виду социопата, подумала Рей. Неужели Нао-сенсей действительно думала, что она движется в этом направлении? Действительно ли она так думала?— Многие люди стремятся к такой карьере. Я бы посоветовала всем даже не рассматривать возможность вступления в Анбу, пока они не станут джоунинами. Нам не всегда дают выбор, это, конечно, зависит от Хокаге, но часто мы его делаем. Есть над чем подумать. Почему-то мне кажется, что ты не из тех людей, которые... наслаждаются своим пребыванием в Анбу. Просто бесплатный совет. Делай с ним, что хочешь.

<http://tl.rulate.ru/book/105653/3748179>